

Не думала не гадала баба Груня, что на старости лет приедет из своей деревни Москва в настоящую столицу. Осталась она в своих углах одна-одинешенька. Жили-поживали старушки, ее подружки, а в последние годы все дружно и отправились на сельский погост отдыхать от непосильных трудов. И осталась баба Груня, как кустик в пустом чистом поле, не с кем даже словом перебраться, кроме кота Васьки. И родня городская про нее забыла: кому нужна бабка, у которой наследства нет? Кто позарится на ее развалюху в брошенной деревне? А какие ночи в ней длинные, и родили они думку-надежду. Надо посоветоваться с выходцем из их Москвы Васьком Казанским. Высоко он взлетел. В Думе государственными делами ворочает, может, присоветует что, как бабе Груне в их забытой Москве доживать. Огородец она еще держит. Из соседней деревни наезжают ей вспахать и посадить. В прошлый раз, окаянные, аж три сотни сорвали. Для них она чужая. Лишь иногда топают к соседям за молочком для Васьки. А хлеб сама уже пять лет печет. Сторожем московским ее прозвали. А что ж, попробуй не посторожи. Каждый день ходит по избам, смотрит, все ли в порядке. Вот отъехала, как бы какие залетные пожар там не устроили. Эх, дела... Может, здесь, в Москве, решат что-нибудь путное и про их Москву. Неужели России она больше не пригодится? Торфу там сколько и земля — чистый чернозем.

С Курского вокзала довели ее до самого Охотного ряда. Остановилась баба Груня перед этой самой Думой, в полушалке и в овчинном тулупчике, московский ходок. Кому ты нужна, где человеку затеряться как иголке в стогу. Домище-то Думы такой, что своим видом придавливал. Сколько народу-то в нем вьещается, и все головушки-то разумные? А все же помочь никак всем не могут. Народу видимо-невидимо снует туда-сюда. И все с просьбами и бедами. Подъездов несколько, а только двери хлопают. Тяжеленные, и прихлопнут, коль зазеваешься. Стушевалась бабулька, а ведь всегда бедовая; но не уезжать же, раз приехала. Подошла баба Груня к строгому милиционеру и ласково протянула:

— Сынок, мне Васятку Казанского нужно найти, он из деревни Москва.

Милиционер хмыкнул весело:

— Шутница ты, бабулька.

И тут же строго произнес:

— Не мешайте, гражданочка, службу нести, отойдите.

Ан ведь баба Груня везучая, не зря все погодки умерли, а она еще по столицам разъезжает. Проходивший лысый мужичок, сытенный такой, с папочкой, приостановился:

— А я знаю Василия Казанского. — Достал из кармана блестящую бумажку, ручку с золотым пером, черкнул. — Вот телефон на столе. Звоните Казанскому, он закажет пропуск. А деревня Москва все-таки, оказывается, есть! — удивленно качнул он головой.

— Есть, — вздохнула баба Груня.

Даже в этой Думе, видно, много чего не знают.

И опять сробела баба Груня. Как же звонить Васятке? Такой стал высокий человек, с иностранцами балакает. Набрала номер баба Груня — и тут же услышала голос Васятки, у отца его тоже такой петушистый был, когда он в молодости за Груней ухаживал.

— Васенька, милый, уважаемый человек, это я, баба Груня Чухонцева, из твоей деревни Москва проведать тебя приехала.

Баба Груня чуть не выронила трубку, когда в ответ услышала такой оглушительный мат и пояснение Васятки:

— Это я так от удивления. Сейчас выпишу пропуск, поднимешься на второй этаж

на лифте, выйдешь — и сразу моя дверь. Вот, стало быть, у Васи отдельный кабинет, раз он так ядрено обложил бабу Груню матом. Отец его тоже был баловник и матерщинник, так загнет, так загнет.

Пошла баба Груня от выхода туда, куда вся толпа народу. Даже в лифте, в который первый раз села, не стушевалась, объявила весело тем, кто с нею зашел:

— А мне на второй этаж к Василию Казанскому.

Все молчали, а двое вроде переглянулись. Ишь, какие, видно, забыли, что сами из дальних деревень сюда выползли. А все одно, все здесь чужие. Как вышла из лифта баба Груня, как ступила на ковровую дорожку, так и кинулась к стоящему у двери Васятке, как к родному человеку, как к сыну. А он в сторону:

— Ну, ты, баба Груня, не очень. Дума — официальное, самое высокое в столице учреждение. — И даже грудь выпятил.

Баба Груня отступила:

— Да я просто рада, что из нашей Москвы путевый человек выibilся и тебя в таком доме приветили.

Глянула она за дверь, а там в клетушках отгороженных людей напихано, сидят, уткнулись в телевизоры, все как один телефонные трубки держат у уха и карандашиком что-то черкают на бумаге.

— Ах, Васенька, как же ты черным словом при всех здесь выражался?

— Да ничего, бабуль, это парламентский наш

язык. Где ж нам с тобой примоститься? Все кабинеты заняты, давай присядем здесь, в коридорчике. На минутку. У меня столько дел. Партию мы сейчас создаем, народную. Теперь на выборы без партии не выходи, не проскочишь в Думу. Здесь мы такие дела завариваем. Вся Россия скоро закипит.

Баба Груня кивала головой. Конечно, и закипит Россия от таких молодцов. Вот Васяточка какой важный. Костюмчик заграничный. Бородку отпустил, причесочку прилизал. По всем статьям кавалер. А мальчонком в пастухах хвосты коровам крутил. Как лихо кнутом отсвистывал.

— Ты, баба Груня, помогла бы мне, ты всегда бедовая была.

— Да я ж темная, забитая, — испугалась она.

— А мне светлость ни к чему, здесь светлых хватает, мне нужны члены партии. Ты, баб Грунь, все одно не работаешь, коровы у тебя теперь нет?

— Да некому сено косить...

— Вот и хорошо, поработавши на меня. Поагитируй за народную партию. За возрождение русской деревни. Поуговаривай там людей. Пообещай, за мной не станет. Деньги избирательные будут, из президентского фонда.

— Да ведь, Васятка, каких людей угавривать? Никого не осталось в нашей Москве.

— Ну вот, видишь, некому мне помочь. А если я не напрягусь, будет провал. Ах, баб Груня, если б ты знала, как я здесь кручусь! Встаю в пять утра, ложусь в час ночи. Нет, ты, баба Груня, ничего не можешь понять.

— Да я ж понимаю, тебе помочь нужно. Может, мне в другие деревни съездить, своих бабулек уговорить, а они своих детей? И пойдет, а?

— Ну, ты умница, бабуля, до столицы добралась, до других деревень добежишь. Тебя мне сам Бог послал. Значит, так, агитируй, а потом звони мне из райцентра о новых членах. Вот моя визитка. Все, побегу, начинается совещание, жду звонка.

И полетел Васятка, чистый петушок, руками, как крыльями, замахал. А бабе Груне и вставать не хотелось с бархатных сидений. Ах, как жаль, что нет товаров, кому бы порассказала, как высоко взлетел наш Васятка. Вот и ей заботу нашел.

ВЕСТИ ИЗ МОСКВЫ